

Мы любовь свою схоронили,
Крест поставили на могиле.
«Слава богу!» — сказали оба.
Только встала любовь из гроба,
Укоризненно нам кивая:
— Что вы сделали? Я живая!

Юлия Друнина

«Мы любовь свою схоронили...»

ЧАСТЬ I

— Оля! Поля! Ну что у вас опять в комнате творится? Что за бардак такой? Почему вся одежда разбросана?

Настя с досадой всплеснула руками, застыла в дверях скорбным изваянием. Хотя заранее знала, что ни досада, ни скорбная поза ничего не решат. То есть никак на этих юных нахалок не подействуют. Они ж знают, что им все с рук сойдет, что их любят, что вся эта сердитость выплескивается из нее как бы понарошку... Мол, положено иногда родительнице «наезжать», так и пусть себе это делает на здоровье. К тому же она ведь им не стопроцентной родительницей приходится, а тоже немного... Понарошку. Хоть и воспитывает их с четырех лет...

Нет, это обстоятельство никогда никакой роли в их отношениях не играло, это надо признать. Она для них мама, конечно же. И никакого такого «понарошку» на самом деле и нет. Чего это глупое словцо ей пришло в голову? И самой странно...

— Мам, да не сердись, мы сейчас все уберем! — тихо проговорила покладистая Оля.

— Нет, не сейчас! Мы же опаздываем! Вот придем с тренировки и приберем! — Поля решитель-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

но расставила все по местам. — Нам уже убежать надо, а мы не знаем, что надеть!

— В каком смысле не знаете? — опешила Настя, снова всплеснув руками. — Да у вас этой одежды... Вон, шкаф уже ломится! Недавно же мы вместе выбирались по магазинам... Специально, чтобы вы на лето все купили! В чем проблема-то, не пойму?

— Да, мы купили, мам... Никаких проблем... Но мы ж не знали, что будет такая жуткая жара! Хоть в трусах по улице ходи, все равно не спасешься! — виновато проговорила Оля, глянув на Полю.

Поля хмыкнула довольно глубокомысленно, словно обдумывала вариант прогулки по улице в трусах. Но вслух проговорила сердито:

— Да уж... Такое пекло, что дышать нечем. Воздух как теплая водка! Вдохнешь его, и сразу тошнить начинает.

— А ты что, пробовала теплую водку? — с ужасом спросила Настя, распахивая глаза.

— Ой, да откуда... — Поля отмахнулась, натягивая на себя джинсовые мини-шорты. — Это наш тренер так говорит после занятий — воздух в зале словно теплая водка...

— Ничего себе, какие метафоры! Что он себе позволяет, вы же дети!

— Так мы ж выкладываемся по полной, когда тренируемся, мы же пашем, как звери! Пот просто ведрами выходит! Спортивные танцы, мам, это та еще нагрузочка... Весь организм должен на пределе работать. Каждый нерв, каждая мышца... Понимаешь?

Шведская семья Ивановых

— Да понимаю, понимаю... Но все равно... Ваш тренер должен какие-то границы в отношениях соблюдать и за речью своей следить! И что он вам еще говорит, интересно?

— Да ничего такого, мам, честное слово! Не пугайся, ради бога. Нормальный он чувак, с понятиями.

— Не знаю, не знаю... Надо будет сходить посмотреть, что там за тренер такой...

— Мам, перестань! Этого еще не хватало! Чего ты пойдешь нас позорить! Что мы, маленькие, что ли?

— Ну, не такие уж и большие... И ничего особенного в том нет, если я с вашим тренером познакомлюсь!

Поля с Олей будто и не услышали ее, продолжали вертеться перед зеркалом, отталкивая друг друга. По лицу Поли было заметно, как она нравится себе в мини-шортах, и Настя сделала осторожную попытку убедить Полю в обратном:

— А эти шорты я бы тебе не советовала надевать, Поленька. Они и впрямь на трусы похожи. Лучше вон те штанишки надень, голубенькие.

— Мам! Я сама решу, что мне надеть, ладно? — повернулась к ней Поля, глянула сердито.

Настя подняла брови, чуть улыбнулась, чуть мотнула головой, что могло означать на их молчаливом языке — ой, мол, боюсь-боюсь... Ой, как мне страшно... А вслух произнесла довольно покладисто:

— Ладно, собирайтесь, не буду вам мешать... К ужину, надеюсь, вернетесь?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Не знаем пока... Вроде девчонки после тренировки в кино собирались... Может, мы тоже пойдем. В кинотеатре в кафетерии перекусим, не переживай.

— Ладно. Только позвонить не забудьте, если в кино соберетесь. Чтоб мы с папой не волновались.

— Ладно, позвоним, если не забудем... Не надо за нас волноваться, мам...

Ох уж эта Польшка! Так ответила, будто снизошла. Удостоила. А Оляка улыбнулась и головой кивнула вполне дружелюбно — обязательно позвоним, мол...

Какие же они все-такие разные. Хоть и близнецы. Двое из ларца, одинаковых с лица. Но на этой одинаковости с лица все и заканчивается. Характеры и повадки, если сравнивать, — как небо и земля у обеих.

Зато какие симпатичные — глаз не оторвешь! Светловолосые, крепенькие, как два белых грибочка. И такие родные... Нет, и правда никаких «понарошку» и близко нет! Родные доченьки, милые...

Повернулась, пошла на кухню, унося с собой свое сердечное умиление. Вскоре услышала, как Польшка крикнула из прихожей:

— Мам, мы ушли!

Подошла к окну, чтобы полюбопытствовать, во что же все-таки эти грибочки нарядились. Ага, на Олечке те самые штанишки, голубенькие, которые она присоветовала. А Полечка... Ах ты, вредина какая! Напялила-таки те самые шорты, похожие на трусы! Ну что ты с ней будешь делать, а?!

Шведская семья Ивановых

Открыла окно, поддавшись первому возмущенному порыву, но тут же и остыла. В самом деле, что она, теперь на весь двор орать будет? Поля, вернись, переоденься? Да ну... Не стоит этого делать. У них сейчас возраст такой... Опасливо пубертатный. Любое требование в штывки принимают, и сама не заметишь, как ударишься лбом в их склонность к преувеличению.

А может, у нее самой эта склонность к преувеличению образовалась с возрастом. Хотя какой там возраст — тридцать четыре года! Но если считать год за два... Как считают тем, кто работает в горячем цеху... Это ведь не так просто — мачехой быть! Та еще нагрузочка на психику, между прочим! Как говорится, кто там не был, тот не знает...

Так и стояла у открытого окна, глотала перепревший от жары воздух. И впрямь как теплая водка... Метко выразился этот тренер по спортивным танцам, ничего не скажешь! Но ведь не при детях же, правда? Хотя девчонки сейчас быстро взрослеют, и на детей в свои тринадцать уже не похожи. Рослые, спортивные, гибкие, как юные пантеры. Вот и поди, воспитывай их, учи чему-то... Ты им слово, они тебе два в ответ!

Вдохнула, отошла от окна. Походила туда-сюда по квартире, не зная, за что схватиться, — дел-то невпроворот накопилось. Откладывала на выходной, откладывала... И вот он, выходной. А руки ни на что не поднимаются. Это от жары, наверное. Когда эта невыносимая жара кончится наконец?

Вот сколько раз Валу просила — надо купить кондиционер, надо! А он только головой

ВЕРА КОЛОЧКОВА

кивал, соглашался. И дальше этого молчаливого согласия дело не шло. Теперь вот приходится мучиться...

Нет, она никогда на мужа по большому счету не злилась. Не выходила из себя, не скандалила. Потому что любила сильно. До немоты, до сердечной одури. Как мама всегда говорила — вляпалась ты, доченька, в эту любовь по самое не могу... И в чужих детей вляпалась так, что как бы расхлебывать не пришлось.

Ей всегда хотелось ответить маме гневно — куда я не вляпалась, разве можно так говорить! Что в том плохого, что я им матерью стала? Конечно, поначалу нелегко было, это да... А потом ничего, привыкли. Приняли. Мамой называть стали. Да что говорить: уж девять лет с тех пор минуло... Как Валентин сдал их, малявок, ей на руки — примите и распишитесь! — так и побежало время день за днем. Что ни день — то новые трудности. А ей все нипочем было, и трудности тоже. Любила же без ума... И мужа, и дочек его непростых... Да если вспомнить, как они первое время привыкали друг к другу! Они ведь еще мать родную помнили, хотя и совсем крохами были, когда она умерла. Против природы же не попрешь танком, и материнскую родную энергетику так просто к чужой тетке не приспособишь. Да, многое нужно было терпеть. И в себе что-то менять приходилось, подстраиваться как-то... И даже получилось подстроиться, если в сегодняшний день заглянуть, вполне себе благополучный...

А мама, помнится, как ее отговаривала тогда! И плакать принималась, и пузырек с валерьянкой

Шведская семья Ивановых

из ладони не выпускала. И сердечным приступом пугала все время:

— В могилу ты меня сведешь, Настя, ей-богу! Ну что ты творишь, сама подумай? Какую судьбу себе выбираешь? Тебе что, приспичило замуж за вдовца выходить? Ты ж молодая, красивая, умная, ну куда ж ты... Только ординатуру закончила, в хорошую поликлинику на работу устроилась, живи себе да радуйся! Осмотрись, для себя поживи... Вон сколько у тебя в поликлинике холостых врачей... Зачем тебе этот вдовец с двумя детьми сдался?

— Я люблю его, мам... Очень люблю... Да я на все для него готова, мам!

— Ой, да не смейся меня, любит она! Можно подумать, больше любить некого! Да что же, для тебя нормального мужика не найдется, что ли?

— А Валентин что, ненормальный, по-твоему? В чем его ненормальность, мам? В том, что жена его так рано умерла? Что он один с двумя детьми остался? Что не бросил их на чужие руки, а сам воспитывает?

— Ну да, ну да... Вот теперь на твои руки и сбросит, ага... Нашел дурочку с переулочка. Я ж тебя хорошо воспитала, ты у меня такая... Шибко честная да жалостливая. На таких обычно все и ездят. На правильных и порядочных.

— Ну вот, сама ж говоришь — воспитала... Теперь сама на себя пальцем и показывай. Что получилось, то получилось, ешь с хлебом и маслом. Не надо было тогда меня так хорошо воспитывать, мам!

— А ты не хама матери, не хама!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да разве я хамлю?

— А что ты делаешь, по-твоему?

— Да ничего особенного... Я ж, наоборот, пытаюсь тебе комплимент сделать!

— Ой, не надо мне таких комплиментов! Какая ж ты хорошо воспитанная, если только и делаешь, что матери прекословишь?

— Да нет, что ты... Просто свою позицию пытаюсь отстоять, только и всего. Это мой выбор, мам, я его уже сделала. Я люблю этого мужчину и всегда хочу быть рядом с ним. И детей его любить хочу...

— Эка у тебя все просто! Хочу, и все тут! А мне каково смотреть, как ты свою судьбу коверкаешь? Неужель я не знаю, как оно бывает... С чужими-то детьми... Да со старым мужиком...

— Ну какой же он старый, мам? Ему тридцать пять всего!

— А тебе сколько, забыла? Десять лет разницы — это не много разве?

— Да нормально... Сейчас бывает, что сорока лет разницы не боятся, и даже пятидесяти...

— Ну, кто не боится, у тех свой расчет и свой резон! Там деньги большие командуют, это ж понятно! А у твоего Валентина... Он же наверняка гол как сокол... Квартира-то у него хоть есть, скажи?

— Есть, мама, есть... Хорошая квартира, трехкомнатная. Я к нему через пару дней перееду, так что...

— Как это — через пару дней? Так быстро? Куда так спешить, зачем?

— Я так решила, мам. Так решила...

Шведская семья Ивановых

— Ой! Ой, сердце схватило, умру сейчас!

— Не умирай, мам. Вон, валерьяночки себе накапай. Может, легче станет.

— Опять хамишь, да?

— Нет. Просто мне надоел этот бесконечный разговор, вот и все. Давай уже прекратим его, а? Все уже решено...

— Так сгоряча решено-то! Не подумавши! Ну какая из тебя мачеха, Настена, сама-то не соображаешь, что ли? Это ж чужие дети, чужие душиньки, как же ты будешь с ними... Тем более они родную мать наверняка хорошо помнят!

— Им по три годика было, когда она умерла. Чего они там помнят...

— Ну, не скажи, не скажи! — вновь ухватилась за Настино неловкое предположение мама. — Родную-то мать дети с рождения помнят, их не обманешь чужой теткой. Не думай, что все это просто, пришла да заявила — я теперь буду вашей матерью. Нет, милая моя, детскую любовь очень трудно выслужить! Тут, знаешь ли, большое сердце нужно... Взрослое, да умное, да осторожное...

— А я постараюсь, мам. Очень постараюсь.

— Вот-вот... Я ж знаю, какая ты старательная да правильная... И впрямь будешь стараться как оглашенная. И будешь у них вечно на побегушках... А как ты думала, а? Кто шибко старается, тот всегда и виноват остается, с того и спрос. Смотри, пожалеешь потом, да поздно будет!

Наверное, все матери так дочерям говорят — не пожалей потом. Это и понятно, жалко отдавать дитя в чужие руки. Сколько бы тебе ни было лет,